

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-283-295
УДК 821.161.1

**«Спесь» Батюшкова
(О стихотворении Мандельштама
«Нет, не луна, а светлый циферблат...»)**

© 2020, М.Г. Альтшуллер

Аннотация: В статье уточняются возможные источники стихотворения О.Э. Мандельштама «Нет не луна, а светлый циферблат...» (1912, первая публикация — 1913 г.). Предлагается новая интерпретация отсылок к К. Батюшкову, не раз становившихся предметом размышлений современников поэта и исследователей. По мнению автора статьи, теоретически утверждая «вещность» (даже сверхвещность, квинтэссенцию вещиности) окружающего мира как самую сущность поэзии, Мандельштам вступает в последовательный спор с сошедшим с ума гениальным поэтом, а через Батюшкова — с символизмом как определенным миропониманием и отражающей его художественной системой. В стихотворении задается противопоставление явлений жизни, живущих в реальном времени зыбкой вечности символизма, которое вписывается в общий контекст книги «Камень». В результате подробного анализа делается вывод о том, что небольшое стихотворение Мандельштама «Нет, не луна...» сыграло заметную роль в истории русской поэзии. В нем на самом начальном этапе отразилось противопоставление (борьба) двух важнейших поэтических систем Серебряного века — символизма и акмеизма.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, «Камень», К.Н. Батюшков, символизм, акмеизм, космогония.

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер, к.ф.н, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu

Цитирование: *Альтшуллер М.Г.* «Спесь» Батюшкова (О стихотворении Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...») // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 283–295. DOI 10.22455/2541- 8297-2020-15-283-295

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность.

И Батюшкова мне противна спесь:
Который час? — его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!

В небольшом (количественно) поэтическом наследии Мандельштама стихотворение «Нет, не луна ...» занимает заметное место. Впервые оно напечатано в 1913 г. в маленькой книжке Мандельштама под названием «Камень». Фактическая основа странного и резкого, почти грубого упоминания Батюшкова общеизвестна. В 1885–1887 гг. вышло большое трехтомное собрание сочинений Батюшкова, подготовленное Л.Н. Майковым и В.И. Саитовым. Там была напечатана написанная на немецком языке записка доктора Антона Дитриха «О болезни русского императорского надворного советника и дворянина господина Константина Батюшкова». Очевидно, что Мандельштам, давний почитатель поэзии Батюшкова, внимательно прочел обстоятельный и профессиональный рассказ о страшной психической болезни гениального поэта. Вот большой фрагмент из этой записки, несомненно, послуживший основой маленького стихотворения Мандельштама:

«Он (Батюшков. — *М.А.*) принадлежит исключительно великой всеобъемлющей природе, поэтому ему ненавистно почти всё, что напоминает обывательские правила и порядок. Поэтому он спрашивал сам себя несколько раз во время путешествия, глядя на меня с насмешливой улыбкой и делая движение, как будто бы он достает часы из кармана: “Который час?” — и сам отвечал себе: “Вечность”. Поэтому он с неудовольствием смотрел, как зажигают фонари, полагая, что освещать нам дорогу должны луна и звезды. Поэтому он почитал луну и солнце почти как Бога. Потому он утверждал, что встречается с ангелами и святыми, среди которых он особенно называл двоих: Вечность и Невинность. Его больной дух встречает повсюду вне земного мира лишь мирные и возвышающие душу зрелища, а внутри него — ничего, кроме противоречий и враждебных противоположностей, которые его озлобляют»¹.

А в 1912 г., когда было написано стихотворение, Мандельштам мог прочесть и, очевидно, прочел в новом романе Мережковского «Александр Первый», печатавшемся в «Русской мысли», раздумья

¹ Цит. по: *Майков Л.Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001. С. 500–501.

императора: «Который час? — Вечность. — Кто это сказал? Да сумасшедший поэт Батюшков, — наемни Жуковский рассказывал...»²

Никак нельзя согласиться с утверждением И.З. Сурат, походя высказанном в интересной и содержательной статье, что «именно к этому внутреннему монологу царя у Мережковского (а не к мемуару немецкого врача Батюшкова, напечатанному в юбилейном издании его сочинений 1887 г.) текстуально восходит мандельштамовское стихотворение 1912 г. “Нет, не луна, а светлый циферблат...”»³. Мандельштам внимательнейшим образом прочел записку Дитриха и детально на нее откликнулся, упомянув не только *вечность*, но и *луну*, и *звезды*, и *часы* (циферблат). А цитирование слов Батюшкова в романе очень известного писателя, напечатанном в одном из самых популярных русских журналов, вероятно, всколыхнуло память и послужило импульсом к созданию стихотворения, очень важного для эволюции творчества Мандельштама и вообще для истории русской поэзии.

В рецензии на первое издание «Камня» Гумилев писал: «“Камень” О. Мандельштама — первая книга поэта, печатающегося уже давно. В книге есть стихи, помеченные 1909 годом. Несмотря на это, всех стихотворений десятка два. Это объясняется тем, что поэт сравнительно недавно перешел из символического лагеря в акмеистический и отнесся с усугубленной строгостью к своим прежним стихам, выбирая из них только то, что действительно ценно. Таким образом, книга его распадается на два резко разграниченных раздела: до 1912 года и после него»⁴. Можно думать, что Гумилев, который дал книжке ее название⁵, принимал самое значительное участие в составлении сборника. Может быть, именно по его совету разбираемое стихотворение помещено в самой середине маленькой книжки: 13-м из 23-х. При этом Гумилев уделил маленькому тексту самое пристальное внимание: «Уже на странице 14 своей книги О. Мандельштам делает важное признание: “Нет, не луна, а светлый

² Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 134. Мандельштам внимательно читал этот роман, как и всю трилогию. См. об этом в упоминаемой ниже статье И.З. Сурат. Там же краткая ссылка на литературу вопроса (примеч. 44). См. также: Лекманов О.А. Соединивший прошлое с будущим (о стихотворении «Заснула чернь. Зияет площадь аркой») // Лекманов О.А. Опыты о Мандельштаме. М., 1997. (Ученые записки Московского культурологического лицея. № 1310. Сер. Филология; Вып. 1–2). С. 40–47.

³ Сурат И. Ничей современник // Новый мир. 2010. № 3. С. 177–190.

⁴ Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 174.

⁵ «По сообщению Р. Тименчика, осуществившееся название книге дал Н. Гумилев» (Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. С. 525). См. также: Мец А.Г. «Камень» (к творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 279.

циферблат сияет мне...”. Этим он *открывает двери в свою поэзию для всех явлений жизни*, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении: для казино на дюнах⁶, царскосельского парада, ресторанный сброд, похорон лютеранина»⁷.

Таким образом, с точки зрения Гумилева, в маленьком стихотворении, напечатанном в середине маленькой книжки, молодой автор начинает полемику с символизмом, хотя, на первый взгляд, там лишь резко, даже грубо, отвергается взгляд сумасшедшего поэта на мир. Батюшков, по словам врача, существовал «вне земного мира», а на земле видел «лишь противоречия и враждебные противоположности». Эта антиномия легко вписывается в противопоставление двух поэтических систем — символизма и акмеизма.

М.Л. Гаспаров справедливо писал, несколько приуменьшая значение акмеизма: «Программа акмеизма в “Аполлоне” сводилась к двум не очень оригинальным тезисам: во-первых, конкретность, вещественность, посюсторонность; во-вторых, мастерство. В поэтике символизма все слова о земной действительности должны были служить намеками на высшую действительность — уводить а *realibus ad realiora*, от реального к реальнейшему <...> на этом недоступном фоне иных миров и приобретала особое значение сосредоточенность акмеистов на здешнем мире»⁸. О том же говорил Мандельштам в статье «Утро акмеизма», написанной (по крайней мере, первый вариант) как раз в 1912–1913 гг.⁹: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма»¹⁰.

Теоретически утверждая «вещность» (даже сверхвещность, квинтэссенцию вещиности) окружающего мира как самую сущность поэзии, Мандельштам вступает в последовательный спор с сошедшим с ума гениальным поэтом. И через Батюшкова — с символизмом.

Спор начинается с первой строки. Батюшков, как рассказывает его врач, не смотрит на часы: циферблат для него — луна, солнце, а время — вечность и звезды. «Нет, не луна, а... циферблат» светит мне, — утверждает молодой поэт, имея в виду вполне реальный циферблат реальных часов с подсветкой (поэтому *светлый*), существу-

⁶ Гумилев указывает на несколько стихотворений, в основном из второй половины книжки: «Казино» (№ 3), «Царское село» (№ 16, царскосельский парад), «Золотой» (№ 17, ресторанный сброд), «Лютеранин» (№ 21, похороны лютеранина).

⁷ Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. С. 174–175.

⁸ Гаспаров М.Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 332.

⁹ Цит. по: Мандельштам О. Камень. С. 334–335.

¹⁰ Там же. С. 189. Ср.: Гаспаров М.Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама). С. 332.

ющий в земном мире. Л.Я. Гинзбург вспоминала рассказ Гумилева: «Однажды поздним вечером, когда акмеисты компанией провожали Ахматову на Царскосельский вокзал, он (Гумилев. — М.А.) прочитал их (стихи «Нет, не луна...» — М.А.), указывая на освещенный циферблат часового магазина»¹¹.

Так начинается противопоставление явлений жизни, существующих в реальном времени, зыбкой вечности символизма. Затем в «Камне» следуют стихи, в которых появляются отмеченные Гумилевым явления жизни реальной: вода зеленоватая, тонкий луч на скатерти измятой («Казино»); желтый туман, пьяная орава («Золотой»); казармы, парки и дворцы, крепкое седло, мощи фрейлины седой («Царское село»); ленивые подковы, осенние розы («Лютеранин»).

Следующие две строки переносят нас с земли в небо. Для сумасшедшего, Батюшкова, по словам Дитриха, луна и звезды божественны, а небо — обитель ангелов, звезды находятся «вне земного мира», это «возвышающее душу зрелище». Этому представлению о космосе возражает Мандельштам: «Слабых звезд я осязаю млечность». У Батюшкова звезды находятся «вне земного мира». Мандельштам смотрит с земли на *слабые звезды*, образующие *млечность*, т.е. хорошо известный, понятный и видимый не только астрономам Млечный Путь, образующий нашу Галактику, мельчайшей частью которой является наша Земля¹². И она для поэта отнюдь не скопление «противоречий и враждебных противоположностей».

Отталкиваясь от Батюшкова, Мандельштам вступает в полемику с поэтическим миром символизма, каковой мы видим, например, во взятом почти наугад образцово символическом стихотворении Блока:

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.
Меркли дни — порывы иступлений
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, — и в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне... (1908)¹³

¹¹ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Новое собрание. М., 1999. С. 20. Рассказ Гинзбург еще раз свидетельствует о том, какое значение для идей акмеизма придавал этому стихотворению Гумилев.

¹² Кстати, в стихотворении «Я по лестнице приставной...» (1922) тот же эпитет, по-видимому, снова употребляется в соотнесении с Млечным Путем: «Я дышал звезд млечных трухой, / Колтуном пространства дышал». Такое понимание подкрепляется космическими образами стихотворения: «Звезд в ковше Медведицы семь, / ...Распряженный огромный воз / Поперек вселенной торчит».

¹³ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 1. С. 137.

Здесь разрушены все понятия и представления обыденного мира: верха и низа (*море в вышине*), действия становятся невообразимыми (*дух плакал, сон шептался*), звезды становятся *звездной глубиной*, в которой почему-то появляется *море*, к тому же еще и *огненное*. И в завораживающих стихах проступает истинный, идеальный мир, бледное отражение которого люди видят на стене платоновской пещеры.

Подобное восприятие действительности глубоко чуждо новому Мандельштаму, и, как будто сжигая отринутое символистское прошлое, в следующем стихотворении «Камня» он запальчиво пишет энергичными короткими строчками:

Я ненавижу свет
Однообразных звезд...

Бездонному вечному неопределенному небу с его звездами, символами непостижимого, непонятого мира, противостоит твердое, осязаемое, сушное — камень, давший название всему сборнику:

Здравствуй мой давний бред —
Башни стрельчатой рост!
Кружевом, камень, будь
И паутиной стань...

Это сушное, осязаемое живое бытие побеждает пустоту неба, воображаемого символистского:

Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань!

Во второй строфе разбираемого стихотворения (последующих трех строках) автор формулирует его главную оппозицию: *здесь* и *вечность*. *Здесь* — это на земле, в живом, осязаемом материальном мире. Батюшкову обычные люди, любопытные, задали ординарный вопрос, который любой прохожий может задать встречному: «Который час?» Поэт ответил высокомерно, отослав обыкновенных людей к неопределенности символического мира, к *вечности*.

Что такое зыблемая вечность туманного мира символизма, Мандельштам понимал и чувствовал очень хорошо. В стихотворении, посланном Вяч. Иванову — учителю, мэтру, молодой поэт пытался объяснить себе принципиально необъяснимое и важнейшее для по-

этики символизма слово/понятие *вечность*, от которого он яростно будет отталкиваться спустя несколько лет:

Не говорите мне о вечности —
 Я не могу ее вместить. <...>
 Я слышу, как она растет
 И полуночным валом катится.
 Но — слишком дорого заплатится,
 Кто слишком близко подойдет (1909).

В «Камень» стихотворение не вошло и при жизни автора вообще не было напечатано. Отбирая стихи для первой книги и начиная ее стихами «символическими», на первое место Мандельштам поставил известное «Дыхание», где находим такие строки:

Я и садовник, я же и цветок,
 В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
 Мое дыхание, мое тепло,

Запечатлеется на нем узор,
 Неузнаваемый с недавних пор.

В этих строках личность автора растворяется в небытии, в метафоре каких-то, видимо, отражающихся друг в друге стекол. И даже *узор* той индивидуальной, неповторимой личности, которая постулировалась в начале этих знаменитых стихов («Дано мне тело — что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим»), *запечатлевается* на / в этих стеклах уже *неузнаваемым*, ибо, как говорил поэт в стихах 1909 г., *дорого заплатится, кто слишком близко подойдет* к вечности.

Тут же возникает и *мгновение* (для Гумилева неизбежный антонимичный спутник вечности в зыбкой вневременной, колеблющейся поэтике символизма):

Пускай мгновения стекает муть —
 Узора милого не зачеркнуть.

То есть даже мгновение, которое противопоставлено вечности, потому что оно эту вечность уничтожает (то, что мгновенно, не может быть вечным), не в состоянии перечеркнуть *узора* личности,

которая вроде бы стала неузнаваема, растворилась в бликах зеркальных стекол вечности.

Думается, что первое стихотворение «Камня» подсказало Гумилеву в его рецензии инвективу против туманных, зыбких, лишенных конкретности категорий символизма: вечности и мгновения.

Вторая строфа стихотворения начинается с резкого, почти грубого упоминания имени Батюшкова. Становится очевидным, что автор строит свою поэтическую систему в споре с космогоническими высказываниями сумасшедшего поэта. Прежде всего, следует заметить, что слово *противный* в данном контексте, по-видимому, не имеет распространенного в современном языке значения «отвратительный», «очень неприятный». Здесь имеется в виду его изначальный, исходящий из этимологии смысл: «противостоящий», «неприемлемый», «то, с чем невозможно согласиться», даже «враждебный»; ср. в «Борисе Годунове»: «Противен мне род Пушкиных мятежный»¹⁴.

В то же время слово *спесь*¹⁵ носит очень явственные отрицательные, даже грубые коннотации: «чванство», «высокомерие». Настолько, что при подготовке второго издания «Камня» книгоиздатель М.В. Аверьянов исключил стихотворение из книги. Для Мандельштама оно было принципиально важным. Он, очевидно, был согласен с Гумилевым и свою «акмеистическую» творческую жизнь начинал именно с этих стихов. Вернув текст в книгу, он написал издателю: «Очень просил бы Михаила Васильевича согласиться со мной относительно “Батюшкова”, о котором я *много думаю*. Пусть это будет по-моему, не возбуждая спора»¹⁶.

Почему же так грубо высказался Мандельштам о поэте, которого любил и которым восхищался? «Помню месяцы его увлечения Батюшковым, — вспоминал С.И. Липкин, — он написал о нем упоительное стихотворение <...>. Он рассказывал о Батюшкове с горячностью первооткрывателя <...>, не соглашался с некоторыми критическими замечками Пушкина на полях батюшковских стихов, искал и находил линию Батюшкова в дальнейшем движении русской

¹⁴ С.И. Ожегов дает слово с пометой «книжное» (*Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М., 1989. С. 1561*), а у В.И. Даля разговорное значение вообще отсутствует (*Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 3. С. 519*).

¹⁵ У В.И. Даля: «чванство», «тщеславие», «надутость», «гордость», «высокомерие» (*Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 289*). В анализируемом тексте особенно очевидны два последних значения.

¹⁶ *Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 460.*

поэзии...»¹⁷ А.Г. Мец справедливо называет Батюшкова «одним из “вечных спутников” Мандельштама»¹⁸. В стихотворении 1920 г. «Чуть мерцает призрачная сцена...», в котором возникают ностальгические мотивы Петербурга XIX в., Батюшкову посвящены строки:

Слаще пеня итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник¹⁹.

Мандельштам, наверное, вспоминает здесь о любви Батюшкова к итальянской литературе, античных мотивах его стихов и пр.

Своим любимым стихотворением Мандельштам в 1932 г. назвал «К другу» Батюшкова²⁰. В этих грустных стихах поэт описывает радости бытия материальные и духовные: «шум веселья и пиров», «в вине потопленные чаши», «фалерн», «розы наши», «мудрость светская сияющих умов», «счастья дом», «красота Лилы», «прелесть девственной Хариты». Однако в нашем мире, к сожалению, всё недолговечно и преходяще: «цветок <любви> увя! исчез, как сладкая мечта», «музы светлые сокрылись» и пр. Всё это совсем не похоже на размышления позднего сумасшедшего Батюшкова, который, напомню, видел на земле лишь «противоречия и враждебные противоположности», а вне ее лишь «мирные и возвышающие душу зрелища».

В том же 1932 г. Мандельштам пишет то самое «упоительное» стихотворение «Батюшков», о котором вспоминал Липкин. Позволю себе напомнить читателям несколько строф:

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поет. <...>

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашел от смущения слов:
Ни у кого этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов... <...>

¹⁷ Липкин С. Угль, пылающий огнем. Встречи и разговоры с Осипом Мандельштамом // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 306.

¹⁸ Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. С. 588.

¹⁹ Липкин С. Угль, пылающий огнем. С. 306.

²⁰ Там же. Ср.: Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 293 (коммент. Н.И. Харджиева).

И отвечал мне оплакавший Тасса:
 Я к величаньям еще не привык;
 Только стихов виноградное мясо
 Мне освежило случайно язык...

Стихотворение начинается (2-я строка): «Батюшков нежный со мною живет». Комментаторы отмечают, что в комнате Мандельштама висел портрет Батюшкова, но дело не только (и, может быть, не столько) в портрете: Батюшков живет в поэтическом мире Мандельштама, а не портретом на стене его комнаты.

Мандельштам рассказывает о встрече с Батюшковым, любуясь и как будто пробуя на вкус стихи поэта. Гуляка Батюшков на ходу «нюхает розу и Дафну поет». Это отсылка к стихотворению «Источник», переложению прозаической «Персидской идиллии» Парни. Мандельштам, думаю, сознательно, заменил «персидскую» Зафну на древнегреческую мифическую Дафну, переместив стихи из Персии в любимую Элладу. В «Источнике» Батюшков воспевает радости бытия:

Дева любви! — я к тебе прикасался,
 С медом пил розы на влажных устах!

А «говор валов» отсылает к стихотворению «Есть наслаждение и в дикости лесов...», где Батюшков восхищается матерью-природой, которая для сердца дороже, чем люди, и до Тютчева («Silentium!») замолкает перед ее невыразимым величием и красотой:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
 Есть радость на приморском берегу,
 И есть гармония в сем говоре валов,
 Дробящемся в пустынном беге. <...>
 Их выразить душа не знает стройных слов
 И как молчать об них не знаю.

И в горестной элегии «Умиравший Тасс» последние строки, сообщающие о смерти поэта, исполнены живописной, земной выразительности:

...факелов узрели мрачный дым;
 И трауром покрылся Капитолий.

Таким — влюбленным в радости бытия, восхищенным его красотой — представлялся Мандельштаму любимый поэт, в уста

которого вкладывает он гениальное определение поэзии, особенно выразительное в поэтической системе акмеизма:

...стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык.

В 1912 г. молодой поэт (ему был 21 год) только что открыл для себя в кругу акмеистов красоту поэтического изображения земного бытия. А роман Мережковского напомнил ему, как в своем безумии любимый поэт вдруг отрекся от прекрасного мира прежних стихов, предпочтя им вечность холодных небес с ангелами и святыми. Только что обращенный в акмеизм прозелит в порыве юношеской запальчивости обвинил любимого поэта в спеси. Позднее Мандельштам вновь отдал должное гению Батюшкова в своем творчестве. Тынянов справедливо заметил, что «мелодия его стиха почти Батюшковская»²¹.

Так маленькое (6 строк) стихотворение «Нет, не луна...» сыграло заметную роль в истории русской поэзии. В нем на самом начальном этапе отразилось противопоставление (борьба) двух важнейших поэтических систем Серебряного века — символизма и акмеизма.

Литература

Гаспаров М.Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 327–370.

Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Новое собрание. М.: Захаров, 1999. 463 с.

Лекманов О.А. Соединивший прошлое с будущим (о стихотворении «Заснула чернь. Зияет площадь аркой») // Лекманов О.А. Опыты о Мандельштаме. М.: МКЛ, 1997. (Ученые записки Московского культурологического лица. № 1310. Сер. Филология; Вып. 1–2). С. 40–47.

Липкин С. Угль, пылающий огнем. Встречи и разговоры с Осипом Мандельштамом // Осип Мандельштам и его время / Сост., авторы предисл. и послесл. В. Крейд и Е. Нечепорук. М.: L'Age d'Homme — Наш дом, 1995. С. 294–311.

Мец А.Г. «Камень» (к творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л.: Наука, 1990. (Литературные памятники). С. 277–285.

Сурат И. Ничей современник // Новый мир. 2010. № 3. С. 177–190.

Харджиев Н.И. Примечания // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1978. С. 251–316.

²¹ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 570.

References

Gasparov M.L. Poet i kul'tura (tri poetiki Osipa Mandel'shtama) [Poet and culture (three poetics of Osip Mandelstam)]. Gasparov M.L. *Izbrannye stat'i* [Selected essays]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 327–370. (In Russ.)

Ginzburg L.Ia. *Zapisnye knizhki. Novoe sobranie* [Notebooks. New collection]. Moscow, Zakharov Publ., 1999. 463 p. (In Russ.)

Khardzhiev N.I. Primechaniia [Notes]. Mandel'shtam O.E. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 251–316. (In Russ.)

Lekmanov O.A. Soedinivshii proshloe s budushchim (o stikhotvoreniia "Zasnula chern'. Ziaet ploshchad' arkoii") [He who connected the past with the future (on the poem "The mob's asleep. The square gapes with an arch")]. Lekmanov O.A. *Opyty o Mandel'shtame* [Essays on Mandelstam], series: Uchenye zapiski Moskovskogo kul'turologicheskogo litseia [Proceedings of Moscow Cultural Lyceum], no. 1310, Phylology, issue 1–2. Moscow, MKL Publ., 1997, pp. 40–47. (In Russ.)

Lipkin S. Ugl', pylaiushchii ognem. Vstrechi i razgovory s Osipom Mandel'shtamom [A coal burning with fire. Meetings and conversations with Osip Mandelstam]. *Osip Mandel'shtam i ego vremia* [Osip Mandelstam and his time], comp., intro., afterword V. Kreid and E. Necheporuk. Moscow, L'Age d'Homme — Nash dom Publ., 1995, pp. 294–311. (In Russ.)

Mets A.G. "Kamen'" (k tvorcheskoi istorii knigi) ["Stone" (on the creative history of the book)]. Mandel'shtam O. *Kamen'* [Stone]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 277–285. (In Russ.)

Surat I. Nichei sovremennik [No one's contemporary]. *Novyi mir*, 2010, no. 3, pp. 177–190. (In Russ.)

Batyushkov's "arrogance" (On Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face...")

© 2020, Mark Altschuller

Abstract: The article clarifies the possible sources of Osip Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face..." (1912, first published 1913). A new interpretation of references to K. Batyushkov, which more than once attracted the attention of poet's contemporaries and modern researchers, is proposed. According to the author of the article, Mandelstam, theoretically asserting the "thingness" (even super-lightness, quintessence of thingness) of surrounding world as the very essence of poetry, enters into a consistent debate with the mad poet, and through Batyushkov — with Symbolism as a certain world outlook and the artistic system reflecting it. The poem sets a contrast between the phenomena of life that live in real time of the shaky eternity of Symbolism, which fits into the general context of the book "Stone". As a

result of a detailed analysis, it is concluded that Mandelstam's little poem "No, not the moon..." played a significant role in the history of Russian poetry. At the very initial stage, it reflected the opposition (struggle) of two most important poetic systems of the Silver Age — Symbolism and Acmeism.

Keywords: Osip Mandelstam, "Stone", Konstantin Batyushkov, Symbolism, Acmeism, cosmogony.

Information about the author: Mark Altschuller, PhD, professor emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu

Citation: Altschuller Mark. Batyushkov's "arrogance" (On Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face..."). *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 283–295. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-283-295